

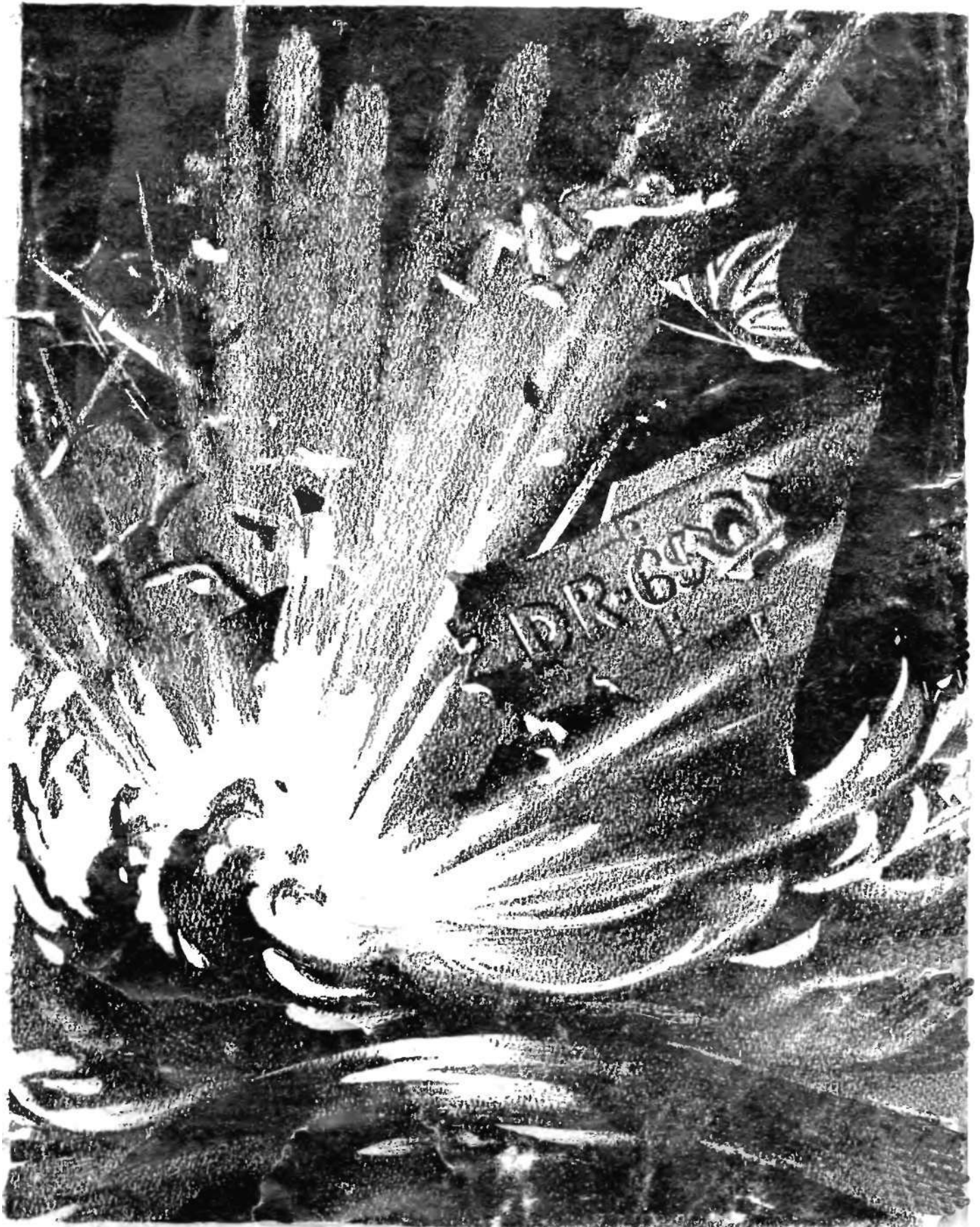
Цена № 10 к.

ВОКРУГ СВЕТА

1929 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 6

Без руля и без ветрил. ...Серый рассвет распололся, разодранный огненными сердцами...

ВОКРУГ СВЕТА

1929 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 6

6 р. в год за ежем. журнал "Всемирный Следопыт" с прил. 24 № № "Вокруг Света", 12 № № "Всемирный Турист" и 12 многокр. табл. "Народы мира" на обл. жури. За границу подписная плата выше на 50%. За переправу адреса—20 коп.

Редакция «Всемирный След.» и «Вокруг Света»: Подписка на журнал «Всемирный Следопыт» (только с приложениями по I, по II или по III абон.) принимается: в конторе журнала (Москва, ул. Герцена, 12/а) и во всех почтовых отделениях, а также письменно.

СОДЕРЖАНИЕ: Жизнь и скитания изобретателя-самоучки; Охота изобретателя. Серия рассказов Н. Железникова. Продавец воздуха. Научно-фантастический роман А. Беляева. Без руля и без ветрил. Рассказ С. Будинова. На стыке старого и нового света. Очерк Б. Рустам-Бека. Охота на львов. Игра. Всемирный калейдоскоп.

Москва, Пушкинская, Лубянский, пасс. пом. 63. Объявления в «Вокруг Света» принимаются в конторе журнала (Москва, ул. Герцена, 12/а, тел. 2-24-63): за строку—8 р.; за страницу—1750 р. (сверх тарифа—госналог 10%). При многократ. печат.—скидка по соглаш.

10 р. в год журн. «Всемирный След.» с приложен. (сверх указан. слева) 24 книг полного собрания сочин. Д. ЛОНДОНА (вторая половина; первая половина, вышедшая в 1923 г., высылается за 4 р. 50 к.)

== ЖИЗНЬ И СКИТАНИЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЯ-САМОУЧКИ ==

Серия рассказов Н. Железникова

Рисунки художника П. Староносова

Охота изобретателя

Настоящий рассказ является седьмым в серии законченных рассказов, которые помещаются на страницах «Вокруг Света» в 1929 г. и в которых правдиво описаны события из необычайной жизни советского изобретателя-самоучки Ильи Федоровича Мухартова. Жизнь Мухартова насыщена увлекательной работой, интересными путешествиями и приключениями, и настоящая серия, помимо литературного интереса, должна представлять собой также особую ценность как «документ жизни».

Илья любил охоту. Ему нравились связанные с нею дальние поездки на лодке, вольные блуждания по лесу; но особенно острый интерес придавало этим блужданиям соревнование с животными, за которыми он охотился. Соревнование, лежащее в основе всякого спорта, всегда является причиной охотничьего азарта, но для Ильи оно имело еще особый глубокий смысл. Охотясь, он состязался с животными в упорстве, в настойчивости внимания, в искусстве ориентироваться, попутно использовать цепь многообразных мелких обстоятельств. Следовательно, охота была для него игрой, требовавшей неотложного применения тех же качеств, которые постоянно нужны для изобретательства. Каждый изобретатель в душе — охотник, подобно тому, как каждый охотник по призванию фактически является своего рода изобретателем.

Илья склонен был, инстинктивно улавливая препятствия, вводить в охоту механизированные методы, соединенные с первобытной хитростью, но когда он достигал цели, охота переставала быть охотой и превращалась в промысел. Тогда он начинал изыскивать новые пути.

Илья еще с детских лет начал понемногу охотиться и заниматься рыбной ловлей. Сделавшись помощником машиниста, он после первой же полочки купил ружье. Во время работы на фонарях он среди местных любителей вполне заслуженно считался присяжным охотником. Он знал множество разнообразных интересных приемов, часто вносил в охоту что-нибудь свое, новое: придумывал разные силки,

устраивал ловушки остроумной конструкции, всякие мелкие приспособления, облегчающие охоту. К тому же он хорошо знал тайгу. Поэтому всем интересно было залучить Илью в свою компанию, и товарищей по охоте у него всегда находилось более чем достаточно.

От Иннокентьевской до Байкала всего семьдесят километров. Когда подбиралось два-три нерабочих дня, молодежь большой компанией отправля-

Охотники с лодкой, замаскированные под островок, почти вплотную подходили к гусям...

лась к «морю». Поездом за два часа добирались до станции Байкал или немного выше, до Культака, и, если не было шторма, брали парусную шляпку, «ходили» по озеру, ловили рыбу. Возвращались обычно Кругобайкальским трактом на велосипедах, привезенных багажом. Иногда Илье удавалось уговорить двух-трех товарищей отправиться с ним к Байкалу вверх по Ангаре на лодке.

Требовалось немало труда, чтобы добраться до Байкала. Продвигаться на веслах удавалось лишь изредка, когда попадались тихие рукава. Большую часть пути приходилось работать в качестве бурлаков — тянуть лодку бечевой. Местами два-три человека с трудом тащили легонькую лодчонку, в которой оставался один рулевой. Но зато охота была замечательная. По дороге делали одну-две дневки. Иногда тут же, в каком-нибудь протоке охотились с лодки. Покрывали ее зелеными ветками, травой и, замаскированные таким образом под островок, почти вплотную подходили к гусям. Иной раз даже жалко становилось их бить: так спокойно подпускали к себе, что прямо хоть погладить их рукой!

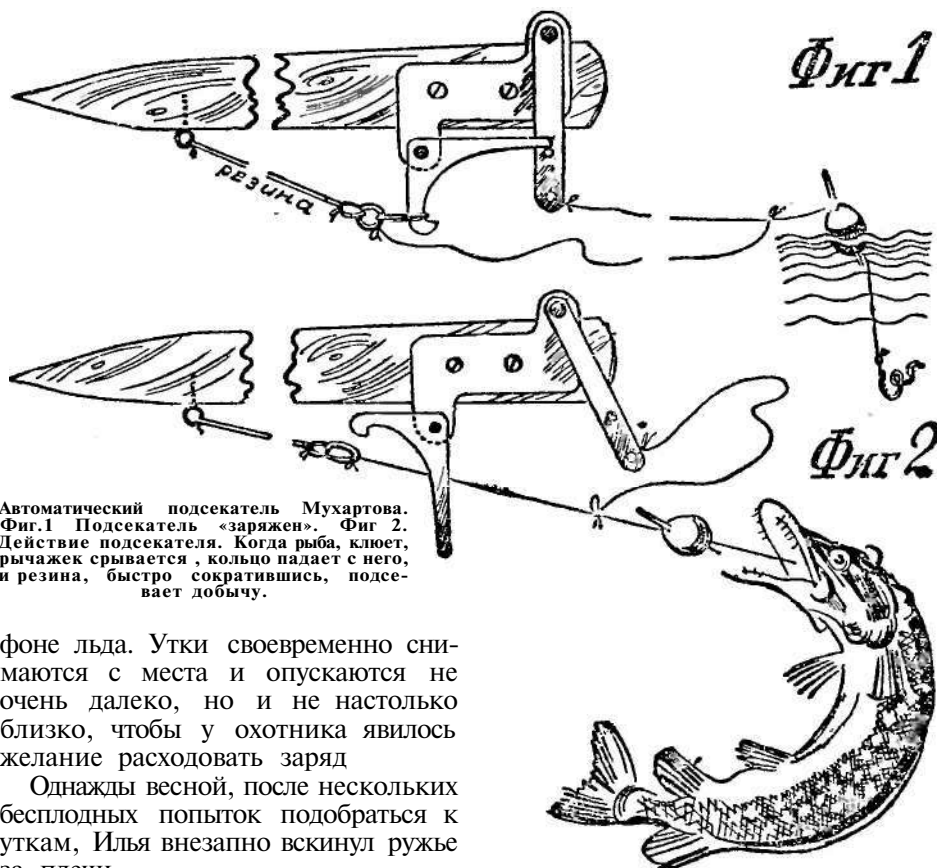
Когда спускались обратно от Байкала, приходилось только править — лодка неслась, как гончая собака по следу. При выходе Ангары из Байкала ниже того места, где на середине реки окруженный подводными камнями возвышается камень Шаман, уклон ложа настолько силен, что даже видно, как река идет вниз.

Да, трудна была поездка в лодке вверх по Ангаре, и опасно головокружительное скольжение по течению. Но Илья любил такие поездки: ему нравилось преодолевать трудности и опасности, это заставляло острее воспринимать удовольствие от странствования по дикой Ангаре.

Зимние морозы с большим трудом и очень поздно могут запеленать своенравную реку в ледяные покровы, и уже в марте Ангара решительно выскальзывает из-под льда, как змея из старой кожи при линьке. Разлившаяся зимой, она быстро спадает к ледоходу; прибрежный лед оседает на отмелях. Здесь он лежит белыми дорожками в течение месяца, — а в заводах, горных расщелинах и до двух месяцев, — медленно рыхлея, покрываясь под солнцем зазубринами. Странно бывает видеть на зеленеющих берегах реки окаймленные травой и цветами широкие пласты льда, вызывающие представление о ледниках.

Уток в это время плавают по заводям огромное количество, но подступиться к ним нельзя. Чтобы подойти достаточно близко, необходимо пробраться по сброшенному на берег льду. Но немыслимо темным фигурам охотников остаться незамеченными для уток на белом

Приготовления эти были не сложны, но посторонний наблюдатель мог бы с одинаковым правом подумать, что они намереваются на берегу реки, за неимением соответствующего помещения, устроить генеральную репетицию перед любительским спектаклем или закапывать труп сап-

Автоматический подсекатель Мухартова. Фиг. 1 Подсекатель «заряжен». Фиг. 2. Действие подсекателя. Когда рыба, клюет, рычажок срывается, кольцо падает с него, и резина, быстро сократившись, подсекает добычу.

фоне льда. Утки своевременно снимаются с места и опускаются не очень далеко, но и не настолько близко, чтобы у охотника явилось желание расхотеть заряд

Однажды весной, после нескольких бесплодных попыток подобраться к уткам, Илья внезапно вскинул ружье за плечи.

— Будет дурака валять уткам насмех!.. Идем домой, — сказал он.

Товарищи запротестовали. Обидно было сдаваться — уходить ни с чем.

— Что толку, если останемся? Завтра — другое дело. Настреляем столько, сколько сможем захватить с собой.

— А что же изменится завтра?

— Идем. Я вспомнил кое-что. Слышал, как в таких случаях надо поступать. Надо подготовиться так, чтобы надуть уток. Только малость придется израсходовать.

Дорогой он рассказал товарищам свой план. На другое утро снова отправились к Ангаре. Не доходя до реки, приятели разделились: двое, которых Илья назначил в «службу тяги», с длинными удилами в руках пошли вниз по течению и, выбрав местечко, где было удобно подступиться к воде и где течение на завороте подходило прямо к льдине, приготовились вытягивать из воды уток. Себя и четвертого товарища Илья назначил в «службу движения». Они занялись приготовлениями к охоте.

ной лошади, а может быть, даже произвести основательную дезинфекцию прибрежного льда. Приятели натянули на себя белые халаты, подпоясались белыми кушаками, плотно обмотали сапоги и шапки белыми бинтами, надели белые перчатки и вынули из чехлов ружья, аккуратно забинтованные марлей.

— Вот и готово, — сказал Илья. — Как зайцы к зиме вырядились.

«Службе тяги» не пришлось долго ждать. Два белоснежных охотника подобрались к самому краю льда, не вспугнув уток, и одновременно дали залп, каждый из обоих стволов. Больше десяти уток унесло течением. Все они без труда были выловлены. Выждав, пока птицы успокоились, «служба движения» перекочевала выше по течению и таким же способом, с близкого расстояния, дала залп в густую стаю уток. Затем «служба тяги» объявила забастовку, потребовав смены. Пришлось произвести переодевание и поменяться ролями. Домой возвращались нагруженные добычей.

После следующей охоты Илья предложил усовершенствовать маскировку:

— Кого ни сажай в «службу тяги», все скоро бастуют. Оно и понятно: скучно сидеть — уток удить. Я придумал такой способ, чтобы всем вместе можно было охотиться, а после выстрелов спокойно дожидаться, пока утки сами к нам приплывут.

И этот план удалось выполнить. Охотники замаскировали лодку под льдину, натянув над ней на прутьях верх из белой материи. Иллюзия для уток была настолько полная, что даже после выстрелов они, снявшись с места, снова садились около лодки, вероятно, полагая, что эта толстая глыба льда, медленно движущаяся по воде, может служить им защитой.

* * *

Меньше чем охота интересовала Илью рыбная ловля; поэтому его попытки вводить в нее механизацию были менее настойчивы. Однако и в этой области он не хотел довольствоваться общеизвестными примитивными способами. Он придумал, как устроить приспособление для автоматического подсекания рыбы при ужении. С таким подсекателем удильщику не нужно следить за поплавком; достаточно наживить крючки, укрепить удочки — и можно идти заниматься своим делом. Стоит рыбе клюнуть, как она неизбежно прочно насядет на крючок. Устройство подсекателя весьма просто (см. чертеж). Металлический рычажок подсекателя устанавливается так, что он натягивает резиновый шнур, прикрепленный одним концом наглухо к удилищу, а другим концом к кольцу, надетому на рычажок. К кольцу присоединена также бечевка, привязанная к леске. Когда рыба клюет — рычажок срывается, кольцо спадает с него, и резина, быстро сократившись, подсекает добычу¹⁾.

Однажды Илья приехал в мастерскую, где работал его брат Николай — маляр. Там он увидел, как, приготовляя краску, обрабатывали медянку. Ее запекали, точно окорок, в тесте, а затем ядовитую корку бросали в помойный ящик, который крепко закрывали, чтобы не отравились домашние животные и птицы. Илья попросил кусок этой корки.

— Пойду на охоту или на рыбалку, — сказал он, — пригодится. Китайцы вот в озерах травят рыбу

кукельваном. Он хоть очень удобен — для людей безвреден, — но его в аптеках не всегда удается достать.

Кусочки корки Илья закатывал в сало, разбрасывал в воде. Рыбы действительно всплывали, но их приходилось тут же спешно чистить, промывать. Илья опасался, что иначе этой рыбой можно отравиться. Травить рыбу можно было многими способами, но Илья хотел найти такой, который был бы вполне безопасен и не носил бы характер хищничества. Однажды он где-то прочитал о случае, заинтересовавшем его. Во время войны в прифронтовой полосе выпустили в речку спирт из цистерны водочного завода и этим отравили рыбу, которая в огромном количестве всплывала наверх, вдребезги пьяная; значительная часть ее так и не протрезвилась, уснула. Охмелевших рыб ловили руками. Солдаты уверяли, что пьяные щуки были очень вкусны.

«Конечно, поливать реку спиртом — затея слишком дорогая и жестокая, — рассуждал он. — Но коли спирт такой сильный яд, что если даже развести его в речке, вся вода делается отравленной, то проще давать напиток каждой рыбине персонально, она и выплывет опохмеляться, только подбирай».

Перед одной из экскурсий на Байкал Илья заготовил спиртовые бомбы, вернее пилули. Делал он их просто: замесил на чистом спирту тесто, потом скатывал шарики и обмакивал в сало. Сало быстро застывало корочкой, не позволявшей спирту испаряться. Однако на практике эти пилули не дали должного эффекта, может быть, потому, что Илья применил их по дороге к Байкалу в незнакомом месте. На остановке, когда занялись рыбалкой, Илья уселся ловить рыбу без всяких приспособлений. Кидал в воду шарики. Но, видно, место было неудачное, рыбы не заглатывали шариков, которые уносились течением. Лишь один раз какой-то водный обитатель заглотнул шарик. Но рыба не всплыла.

Эти опыты окончились неожиданно, или, вернее, закончить их Илье не пришлось. Товарищи заинтересовались его странным времяпрепровождением. Илья объяснил им в чем дело и сказал, что в следующий раз выберет тихое место, где будет видно дно, и еще раз проверит химический способ рыбной ловли. На другой же день им подалось как раз подходящее место. В заводи видно было, как играет рыба. Илья, предвкушая победу, поспешно пошел за

коробкой, где лежали пилули. Раскрыл ее и... в недоумении посмотрел на товарищей: коробка была пуста, как кошелек перед получкой.

— Ну, чего смотришь! — несколько смущенно засмеялся один из спутников Ильи. — Я их поел, только и всего. И, как видишь, не уснул, наверх не всплыл. А так, ничего, вкусные они, эти пилули. Особенно с похмелья. Вчера, сам знаешь, холодно было, я немного подвыпил.

Все засмеялись.

— А ты, Илюха, не огорчайся, — утешал его другой. — Если для рыб не удалось, то для человека все же это изобретение подходящее. Можно производство такое открыть — пилули, заменяющие и выпивку и закуски сразу. Важная штука!

— Эх, голова, ведь сало-то там тухлое было! — сказал Илья.

— А я проглотил, не заметил.

Илья только рукой махнул. Таково уж свойство спирта, что он постоянно перепутывает все карты. Илья решил больше со спиртом не связываться.

* * *

Илья любил ходить на охоту в одиночку, не отказывался никогда и от компании. Среди его компаньонов бывали и женщины. Ему в то время особенно нравились женщины отважные, находчивые, самостоятельные, которые могли быть хорошими товарищами-спортсменами. С одной такой девушкой он особенно часто, дружно и удачно охотился.

В двадцати двух километрах от Иннокентьевской, на берегу речки Вересовки находился заброшенный стекольный завод, не работавший уже лет тридцать. При заводе догнивал небольшой рабочий поселок с осевшими, обомшелыми, кое-где завалившимися домишками. В этом поселке осталось семей пятнадцать бывших рабочих. Они занимались земледелием. Была там украинская семья старого ссыльнопоселенца по фамилии Борщ. Три дочери Борща — Маруся, Таня и Анна — приезжали в Иннокентьевскую, привозили продавать молоко, сметану. Илья познакомился с ними, подружился со всей семьей, стал часто ездить в поселок на охоту. Его всегда встречали очень приветливо. Когда показывались перелетные птицы, его извещали. Гонцом обычно посылали пятнадцатилетнего сына Борща — Алешу. Иногда Илья отправлялся в поселок пешком, зимой на лыжах, летом чаще всего на велосипеде.

Поселок затерялся в дремучем лесу на высоком берегу глубокого пруда

¹⁾ Илья Федорович сделал окончательную модель и запатентовал это изобретение лишь в 1926 году.

да. Рядом с ним в темную воду смотрелись мертвым оскалом зияющих окон здания завода. Пруд, сжатый между крутыми холмами, тянулся в длину километра на три. Водилось в нем много рыбы, в бере-

ное произведение «люлькой». «Люлька» давала возможность с большим комфортом устроиться на отдых везде, где только находился над головой прочный сук. Это было нечто среднее между гамаком и палаткой. От поперечных палок полотняного гамака, укрепленного на разборной деревянной рамке, веревки сходились вверх, где прикреплялись к прочной подвесочной палке. К этой же палке была привязана крепкая, довольно длинная веревка, а также полотняный полог в свернутом виде.

Когда надо было устроиться на ночлег, гамак развешивался, укладывался на землю; укреплялись на месте палки; потом перекидывали веревку через прочную ветку и свободный свесившийся конец веревки пропускали через небольшой блок особой конструкции, укрепленный на той же палке. На этом предварительные

начиная подыматься, так как свободный конец веревки, продетой через блоки, при этом вытягивался и наматывался на особый стержень вдоль палки.

В этой люльке, качавшейся как дикий плод на ветке, спящий мог чувствовать себя в полной безопасности. Для защиты от дождя и москитов служил полог. Так как люлька была сделана из холста защитного цвета, она могла служить и целям маскировки. Тане Илья о гамаке ничего не говорил — хотел показать его уже в готовом виде.

Однажды летним днем он приехал на велосипеде в поселок заброшенного завода. На багажнике у него вздымался довольно объемистый тюк. В домике Борща никого не было — все ушли на полевые работы. Илья прислонил велосипед к старому тополью-гиганту, росшему перед окнами, снял с багажника скатанный гамак. Потом он взглянул вверх и улыбнулся. Быстро увел велосипед, спрятал в кусты, набрал в карман сосновых шишек и вернулся обрадно к крыльцу. Раскатал на земле люльку, укрепил палки, закинул длинную веревку на высокий толстый сук, залез в гамак и стал накручивать ручку. При подъеме люльку качало, как лодку на мелких волнах. У Илья, лежавшего на спине, создавалась иллюзия, что приближающаяся зеленая гуща листьев медленно падает на него.

Когда Илья со своим гамаком вошел в шелестящую толпу листьев, он был на уровне крыши. Тут решил остановиться. Наполовину спустил полог, повернулся на бок и заснул. Проснулся он часа через полтора. Выглянув через край гамака, он увидел внизу, наискосок, в комнате Таню. Она стояла у стола, быстро перетирала посуду и смотрела на дорогу. Илья бросил в окно шишку, которая подпрыгнула на столе и упала в миску. Таня с удивлением оглядела комнату и продолжала работу. Илья бросил еще шишку, она попала в стакан. Таня высунулась в окно. Следующая шишка запуталась у ней в волосах.

— Ах ты, озорник! — засмеялась она и выбежала наружу. — Я дожидаюсь, не подбежит ли, а он уже шишками кидается. Слезай с дерева! Когда успел забраться?

Таня смолкла и смотрела в удивлении: не то палатка, не то лодка не разберешь что — спускается с дерева, как паук на паутине.

— Вот это диво! — закричала она, когда откинулся край полога и из «лодки», поровнявшейся с головой

Взглянув через край гамака, Илья увидел внизу, наискосок, в комнате Таню...

говом камыше гнездились птицы. Перелетные птицы любили останавливаться на пруду.

С приездом Илья начиналась особенно интересная охота. Чаще всего собирались четверо: Илья, Алеша, Таня и Маша — все с ружьями. Иногда садились в долбленный из лиственницы четырехместный бот, плыли к верхнему концу пруда, где больше было камыша. Иной раз разделялись на две партии: двое шли по одному берегу, двое по другому, вспугивали, перегоняли друг друга птиц. Как-то всегда случалось, что Илья в попутчики попадала Таня. Высокая, чуть пониже Илья, крепкая, краснощекая, она споро шагала рядом с ним, по-товарищески беседовала, весело поблескивая серыми глазами. Ружье за ее плечами ничуть не казалось неуместным. Сибирячки часто ходят с ружьем, охотятся не хуже мужчин. А Таня была такой охотницей, что не каждый мужчина мог бы с ней потягаться. Она знала хорошие места, повадки зверей, умела подойти так, чтобы дичь ее не почуяла, могла подражать звериным голосам. К тому же была смелая, всегда бодрая, метко стреляла. И охота у них бывала большей частью удачная.

Григорий Федорович придумал, а Илья соорудил остроумное приспособление для ночовок в тайге. Братья Мухартовы назвали свое коллектив-

приготовления заканчивались. Можно было ложиться в люльку, которая обладала не только свойством гамака и палатки, но до известной степени и лифта. Чтобы подняться, не надо было делать никаких утомительных движений. К блокам было прилажено колесико с небольшой ручкой. Легко, без всяких усилий вращая эту ручку, лежащий в «гамаке-лифте», плавно покачиваясь,

Тани, выглянуло, почти коснулось ее, раскрасневшееся потное лицо Ильи.

— Ай да Илья! Молодец парень! Никак на ковре-самолете прилетел!

— Как видишь! — засмеялся Илья, ступая на землю.

Людья имела большой успех в семье Борща. Таня захотела сделать себе такую же. В следующий раз Илья привез металлические части, и вторая людья из деревенского небеленого холста была вскоре сооружена. Таня предложила Илье поохотиться из воздушной засады. Свою людью Таня замаскировывала листьями. Подолгу лежали они в своих качающихся гнездах. То ли они место выбрали неудачно, то ли странное положение отвлекало мысли от охоты, но в своей засаде они бывали особенно расположены поболтать, а то и вздремнуть. Охота же не клеилась.

— Людья приятные, качают хорошо, — смеялась Таня, — но мы сами — как птицы, в роде сов. Как бы нас кто не подстрелил...

* * *

Ранней весной, когда солнце сплавляло верхний слой снега в твердую корочку, дикие козы в поисках корма в большом количестве появлялись вблизи селений. По ночам делали набег на стога сена, сложенные в поле. Для коз наст губителен. Правда, они приспособляются ходить по нему, несколько выгибая ноги, особенно задние, скользят, словно на лыжах. Но как ни ловки козы, а суставы в обратную сторону не разогнешь. Особенно скверно приходится козам, если надо удирать. Хотя наст достигает такой крепости, что свободно выдерживает людей, он все же не может устоять перед острыми тонкими копытцами коз, вонзающимися в него на полном скаку. Козы проваливаются, изрезывая ноги об острые края ледяной корки. В это время хорошие собаки одни, без охотника ловят коз.

У соседа Ильи была громадная собака, помесь волкодава с дворнягой. За ее поразительные размеры ей дали кличку Казбек. Когда эта серая махина вставала на задние лапы, она была выше человеческого роста. Она имела скверную привычку вскакивать на задние лапы и, вывалив красной тряпкой язык, делать бурные попытки обнять за шею и облобызать понравившегося ей человека. Нравилась же ей первым делом все, у кого за спиной торчало дуло ружья. Иногда ее брал с собой на охоту хозяин, иногда Илья.

Однажды весной Илью известили с заводского поселка, что появилось много коз. Илья отправился в путь, захватив с собой Казбека. Луна то и дело задергивалась облаками. Но дорога предстояла знакомая, наст ночью особенно крепкий, и Илья весело шагал вперед. Он любил ходить в ночной тишине. Нет лишних звуков, кругом все спокойно, настроение бодрое, думается хорошо. Незаметно прошел вдоль полотна километров десять. Он нес с собой — показать Тане, а заодно и испытать — самозапальвающиеся патроны, которые недавно изобрел. Пока Илья шагал, мысли его все время вертелись около этих патронов.

Собственно говоря, правильное их было бы назвать гранатами. Илья взял медные трубки диаметром сантиметра в три и длиной сантиметров по двадцати; на одном конце устроил в каждой из них курковое приспособление с торчащим наружу кольцом, начинил порохом. Гранаты были устроены так, что, если дернуть за кольцо, должен был получиться оглушительный выстрел. Эти шумные снаряды он изготовил не столько с целью использовать их разрушительное действие, сколько для того, чтобы... охранять сон одиноких охотников в глухой тайге. Ночью костер может залить дождем, да и сам по себе он может погаснуть. А хищников в тайге достаточно. Если же обтянуть место ночлега кругом бечевками, соединив концы их с кольцами нескольких гранат, можно спать спокойно, как у себя в комнате. Зверь, пытаясь подойти, зацепит веревку, граната с треском разрядится, отпугнет зверя и разбудит спящего...

Когда Илья свернул с полотна в лес, он хватился, что Казбек исчез. Посвистал — никакого ответа. «Видно, домой повернул», — решил Илья и двинулся дальше. Лес становился все гуще, по временам делалось совсем темно. Прошел километров около восьми. Становилось все темнее. Иногда лес редел, и можно было разглядеть кочки и пни; потом снова темнело, — своей руки иной раз не разглядишь.

Впереди, вдалеке послышался вой волков. «Где-нибудь около завода, — подумал Илья. — Вот бы хорошо теперь с собакой! Экий ведь непутевый пес, Казбечище этот!» Приготовил на всякий случай ружье.

Илья прошагал еще с час. Остановился посмотреть время. Только прислонил ружье к дереву, сунул руку в карман за электрическим фонариком, как из-за дерева на него выскочил какой-то зверь и повалил его в снег.

«Волк...» — мелькнула мысль, но схватить ружье Илья не успел. «Зверь» придал лапами плечи Ильи, наклонил к нему горячую, пахнущую кровью пасть и в один прием... обмыл ему все лицо широким мокрым языком. Затем «зверь» отскочил в сторону, с визгом и лаем стал кружить вокруг отряхивавшегося и вытиравшего лицо Ильи.

— Цыц, ты, несурзанный! Молчи! — кричал Илья.

Зажег фонарь. Вся морда Казбека была в крови. Пес настойчиво приглашал Илью следовать за ним в сторону.

— Ну-ну, ладно, посмотрим, что ты там нашел.

Казбек оглядывался, таял, торопил Илью. Скоро привел к своей

Казбек привел Илью к лежащей на снегу и перегрызенной горлом козе...

добыче. На полянке лежал козел. Он был еще жив, хотя Казбек основательно истерзал ему бока. Илья прикончил выстрелом несчастного козла. Поднял его на плечи, но сам провалился при этом в снег выше колен. Тогда он достал из сумки крепкую бечовку, перевязал козла и подтянул его на сук ближайшего дерева достаточно высоко, чтобы не достали волки. Казбек, между тем, не успокаивался, повел Илью дальше. Минут через двадцать привел к лежавшей на снегу с перегрызенным горлом козе.

— Ну и Казбек! Двух под ряд! Да, в лесу тебе теперь раздолье коз гонять.

Крепкой бечевы у Ильи больше не было, осталось немного тонкого шпагата, и он хотел уже оставить козу на снегу: до завода недалеко, может быть, и уцелеет, пока за ней вернутся. Когда отошел на несколько шагов, вспомнил про свои гранаты: «Ведь три штуки со мной».

Он быстро укрепил на кустах вокруг козы три ряда шпагата, один над другим, привязал концы к кольцам гранат и пошел. «Ну, если волки сунутся, веревки им не миновать. Вот и испытание снарядов лучше не надо».

Когда Илья пришел в поселок, небо бледнело. В окошках Борща был свет: уже вставали.

— Быстро успел, — сказала Таня. — Вечером поохотимся, от коз отбоя нет.

— Знаю, у меня уже пара лежит. Пойдем притащим.

Илья с Таней пошли вперед. Алеша обещал догнать. Илья стал рассказывать про охоту Казбека, когда впереди раздался громкий взрыв, за ним другой.

Таня остановилась:

— Что такое? Чудно!

— Идем скорей, расскажу.

Пока дошли до места, Илья сообщил Тане о своих гранатах. Она хохотала:

— Ловкач! Прогуливаешься — козы готовенькие сами в руки валятся, назад идешь — за тебя пушки сами в волков палят. Из пушек по волкам! — Звонко разносился ее смех.

Волков не нашли ни живых, ни мертвых. Следов было много. За коза осталась цела, только шкурку ей немного подпалило.

Добыча коз в то время была так легка, что Таня не считала это охотой. Жители поселка по ночам, зalezая в стогах сена, убивали коз колями.

— Займемся сегодня ночью лучше волками. Столько развелось, покоя

от них нет, — предложила на другой день Таня. — Идет снежок, нам это к стати: следы наши заметет.

Таня изложила СВОЙ план, который Илье очень понравился. Когда начало смеркаться, они, захватив с собой убитую утром козу и обе люльки, отправились в лес. Отойдя километра на три от поселка, выбрали небольшую полянку, положили козу на снег, отошли на несколько шагов и под высокой сосной развернули СВОИ ЛЮЛКИ, привязав их к лыжам. Вместе с лыжами оба поднялись: Илья в своей зеленой палатке повыше, под прикрытием хвои, а Таня — пониже, так как цвет ее белой люльки теперь был защитным. Ждать им пришлось недолго. Через полчаса собрались волки. Охота быстро закончилась. Две двухстволки, заговорив сверху, оставили на месте трех волков. Тут выяснилось, что люлька успешно может выполнять еще одну роль: добычу назад везли в универсальном гамаке, положенном на лыжи *).

— Ну, вот, отцу волчью доху можно сшить, давно он собирался, — сказала Таня.

*) «Люлька туристов» запатентована Григорием Федоровичем лишь в 1928 году.

ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА

Научно-фантастический роман А. Беляева

(Продолжение)

Рисунки худ. А. Шпир

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ: Научные круги СССР и всего мира заинтересованы необычайными явлениями в атмосфере Земли: давление воздуха несколько уменьшилось, а направление постоянных ветров значительно изменилось, отклоняясь к северу.

Академия наук СССР снаряжает экспедицию в Якутию. Один из членов ее, метеоролог Клименко (от лица которого ведется повествование) с проводником-якутом Николой выходят из Верхоянска авангардом для определения маршрута экспедиции, следующей по направлению ветра. В пути Клименко и Никола, услышав призыв о помощи, спасают утопающего в болоте иностранца. Англичанин наскоро благодарит спасителей и уходит, взбираясь вверх по склону.

На биваке Никола рассказывает, как три года назад он видел похожего на англичанина человека посмертным каюке — пароходе, наскочившем на льдину, на которой после крушения находились рыбакившие Никола с отцом и братом.

Отец и брат потонули, а Николе удалось взобраться на пароход, где он нашел лишь мертвеца на носу, хотя машины продолжали работать. Потом пароход наскочил на береговую скалу, и Никола спасся в шлюпке.

Клименко предполагает, что «мертвым каюком» был ледокол английской полярной экспедиции «Арктик», загадочно пропавший у берегов Сибири.

По мере движения путников вперед ветер все усиливается. Никола пытается отговорить Клименко от продолжения путешествия: впереди, по его словам, «ноздря Ай-Тойона» (верховного божества якутов), которая натягивает неосторожных безвозвратно, — многие охотники-якуты уже пропали там. Своей решимостью Клименко увлекает и Николу. Подгоняемые все усиливающимся ветром, они взбираются по горному склону. Наконец, добравшись до вершины, Клименко ВИДИТ внизу огромный глубокий кратер с правильной формы «дырой» на дне его, куда, очевидно, и уходит воздух.

Ветер срывает Клименко и Николу с площадки на гребне, где они лежали, и устремляет с потоком плотного воздуха в кратер. Ветер несет их по спирали, круги все суживаются, и путники, теряя сознание, падают в «дыру»...

Они приходят в себя в больнице подземного городка, в плену у спасенного ими англичанина, мистера Бэйли, который ставит их на работу: Николу — по уборке мусора, всасываемого с воздухом через трубу на дне кратера, а Клименко — в лабораторию, в помощь главному инженеру, знаменитому шведскому ученому Энгельбректу и его дочери Элеоноре.

Мистер Бэйли и Энгельбрект — участники пропавшей экспедиции на «Арктике», а городок Бэйли оказывается огромнейшим заводом, тайно изготовляющим жидкий воздух, водород, гелий и другие химические препараты, добываемые из втягиваемого через трубу воздуха.

Бэйли разрешает пленникам поселиться вместе, в комнате №66, во втором (сверху) этаже подземного лабиринта, окружающего трубу и кратер.

VI. Подземный городок.

На второй день моего пребывания в «плену» я уже довольно хорошо ознакомился с городом. Элеонора охотно давала мне объяснения.

Первый верхний этаж был отведен под жилые комнаты для администрации городка. Здесь находился высший технический персонал, квартира мистера Бэйли, квартиры Энгельбректов, инженеров и... офицеров.

— Офицеров? — с удивлением переспросил я, услышав это несколько странное для СССР слово.

Элеонора смутилась. Она, видимо, открыла больше, чем следует, и теперь не знала, как исправить свою ошибку.

— Такой большой городок не может оставаться без охраны, — ответила она. — Мы имеем нечто в роде милиции или сторожевой охраны. Во главе стоит несколько начальствующих лиц, которых мы и называем офицерами... Вы только никому не говорите о том, что я сообщила вам. Мистер Бэйли просил меня ничего не говорить сам о на-

шей охране, а я проболталась... Чисто по-женски! — сказала она, не глядя на себя.

Я уверил девушку в том, что буду нем, как рыба.

— А каково количество вашей милиции? — спросил я.

Но Элеонора стала уверять, что она больше ничего не знает о вооруженных силах.

— Счет этажей идет у нас сверху, — продолжала она знакомить меня с устройством необычного городка. — Во втором этаже, в двух

начиналась в шесть утра, а сейчас не более часа ночи.

Звук поднялся еще на несколько тонов, а встречный ветер стал таким сильным, что я принужден был нагнуться вперед. Бег мой все более замедлялся. Я задыхался. Воздух становился все плотнее. Я понял все: сзади нас был пущен вентилятор. Я не знал, что выводная труба могла не только выдувать, но и вбирать в себя воздух...

«Так вот что означали стрелки и восклицательные знаки на плане!» — мелькнула мысль. И в ту же минуту ветер от вентилятора завыл, как разъяренное чудовище, увидевшее, что добыча ускользает из его пасти.

Ветер перешел в ураган. Я наклонил голову вперед и старался протолкнуться в этой невидимой воздушной «тесноте», которая давила все сильнее. Но я не мог сделать больше ни одного движения вперед. Никола упал на землю и пополз на четвереньках. Я последовал его при-

меру. Но и это не спасло. Мы делали невероятные усилия, цепляясь за землю руками и ногами, но ветер срывал нас и неудержимо тянул назад.

Наши легкие были наполнены воздухом, как шары, готовые лопнуть. Голова кружилась, в висках стучало. Мы изнемогали, но еще не сдавались. Наши руки и ноги были окровавлены. Только бы дотащить до края площадки... Но мы уже не видели его. Ветер повернул мне голову назад, и среди тучи пыли я увидел Ивана. Его тело, подобно перекасти-полю, вертелось, прыгало, и несло к устью трубы.

Что-то мягкое ударило мне в голову, но я не мог повернуть ее, чтобы посмотреть, и лишь догадался, что это было тело Николы. От удущья я начал терять сознание. Борьба была напрасна. Мои мускулы ослабели, руки бессильно отделились воздушному течению. Меня понесло обратно в трубу. Я окончательно потерял сознание.

ющей темнотой, в которой змеились кабалистическими знаками молнии и глухо раскатывались удары грома.

— Это называется штормом, — поучал себя Курантов, беспомощно шлепая веслами по встрепанной воде, то махая по вдруг оказавшемуся справа воздуху, то запуская лопасть слишком глубоко в отчаянно тяжелую волну слева. Быстро темнело.

— Безрассудство! — ругался Курантов. — Не надо было так далеко заезжать...

Руки дрожали от напряжения, давным-давно весь костюм промок, лодка металась щепкой, и на эту скорлупку шли сплоченной массой вода, ветер и тьма. Курантов, стиснув зубы, греб и греб, не зная, что его борьба проиграна, что это то же, что в быстро несущемся экспрессе бежать от паровоза к хвосту из вагона в вагон из желания остаться на месте. Ветер нес «Планету». Волны хватились за киль. Пришли ночь и смятение природы. Понятие о времени стерлось. Часы? Минуты? Нет — вечность! Никогда никакой Москвы не было, ставки в шестьдесят три рубля девяносто одну копейку, культкомиссии при местном № 3, спортивного кружка, станции МГСПС —

(Продолжение в следующем номере)

БЕЗ РУЛЯ И БЕЗ ВЕТРИЛ

Рассказ С. Будинова

(К рис. на обложке) Рис. худ. В. Щеглова

I

Курантов вдруг поднял голову и сел. Оглянулся. Море, бывшее недавно гладким и теплым, изменилось: посерело, побежали маленькие волны, за ними погнались другие с развесающимися кудрями, а вслед этим тяжело ступали большие мутно зеленые валы. Подул ветер. Падали редкие капли дождя. Солнце задернулось шторой неба стального цвета.

— Батюшки! — ахнул Курантов, натягивая на взлохмаченную голову кепку. — Вот это спал! Вот это влопался...

В его положении в этот момент было то преимущество, что он не боялся, не зная намерений моря, не зная, что несет с собой тяжело надвигающаяся туча и поднявшееся вдруг волнение.

— Не робей, братишка!.. Вывезет святая загогулина.

Поворочал бритым веснушчатым, лицом, высморкался «по-генеральски» за борт, поддернул брюки и, вытянув ноги в узких ботинках «ути», схватился за весла.

«Километров на десять отъехал от Гудаут, — подумал с тревогой. — А ну, Планета, заворачивай оглобли, да по своей орбите марш-марш к первоначальному пункту».

«Планета» — старая лодочка на четыре весла для увеселительных прогулок — послушно повернула к желанному берегу. А ветер задул напротив. Курантов — конторщик второго разряда одного из кооперативных учреждений Москвы, приехавший провести свой двухнедельный отпуск в июле у моря — понял, что одно — тренироваться на гичках на Москва-реке, и совсем другое — ладонями без роговых наростов мозолей и без откусанных коротких ногтей бороться с волнами, ветром, течением и наступа-

Лодка металась щепкой, и на эту скорлупку шли сплоченной массой вода, ветер и тьма...

тоже не было, а всегда были бешеная качка, дождь, холод, соль на губах, сдирающий кожу с лица ветер, тьма, молнии, раскаты грома и невероятная, безнадежная борьба с веслами в руках за свою крохотную жизнь. Словно века прошли и пройдут в тщетной попытке что-либо сделать.

Где-то тикали часы и прыгали нервные секундные стрелки — шестьдесят скачков по окружности, — а здесь жизнь отмеривалась тоннами черной воды, рисунками свечения и дикими порывами вихрей.

Но вот реже и реже стремительные падения молний, мягче и отдаленней гром, ровней шум дождя. Звуки стали распадаться: вот это — плеск волн, это — стук дна «Планеты» о воду, это — скрип уключин.

— Ничего я не буду делать, — решил Курантов. — Не знаю я, куда грести. Чорт его ведает, стараюсь, стараюсь, а может быть, плыву себе потихоньку к середке Черного моря?

Сложил весла и стал вычерпывать дощечкой воду со дна.

— Ночи коротки. Посижу, а там видно будет, — решил и успокоился.

Дождь прошел. Шторм, пошадив хрупкую лодочку, летел дальше ломать, крушить, подминать под себя и топить. Курантов сидел на скамеечке, прислушиваясь. Чувствовалось чье-то присутствие. Словно невидимый кто-то стоял за спиной и пристально глядел в затылок. Почудилось, будто бы во тьме узенькая полоска света покачалась, наклонилась в разные стороны и пропала.

— Переволновался, — решил Курантов.

Тихо сидел, думая о завтрашнем дне. Клонило ко сну. И вдруг вскочил, выпрямился, раскрыв рот, но не успел крикнуть. Черное, высокое надвинулось из мрака, быстрым ходом опрокинуло лодку и пронеслось как ветер, дальше, глухо рокоча и покачиваясь.

Бессознательно, закрыв глаза, ослепленный, оглушенный Курантов ухватился за что-то судорожно машущими руками; дернуло, сильная боль завертелась в вытянутых суставах, вода ударила в лицо и грудь, поволокло, забило, закружило. С

невероятным усилием подтянулся и повис, ощупывая ногами твердые бока. Перебирая руками, полез вверх и наконец, тяжело дыша, уцепился за металлические поручни. Перешагнул и упал на палубу.

«Спасен! — была его последняя мысль. — На борту парохода... жив курилка!..»

Курантов лежал, а пароход без огней, без мачт и дымовых труб продолжал мчаться.

Придя в себя, Курантов неверными шагами прошелся по темной палубе.

«Как будто жив и цел, — ощущал се-

...Ночь серела. По палубе бродил юноша, ничего не понимая, начинал сходить с ума...

бя. — А теперь вниз, к людям, в тепло».

Пошел по качающейся палубе, но не нашел и признаков кают, капитанской рубки и мостика, не лежали канаты, не было лебедок и вентиляторов. На носу возвышалась металлическая башенка. Посредине стояла большая башня, по всей видимости, вращающаяся. И ни одного человека.

— Эй! — крикнул Курантов. — Эй, вы там, как вас, черти, олухи, проснитесь! Эй, эго ой, э-э-эй!

Молчанье. Пароход шел... Жутко стало. Кто управляет? Где люди? Блеснула догадка — тип-то парохода смахивает на военный. Но почему нет вахтенных, нет огней, почему пароход покинут?

— Я, — громко сознавался Курантов, — боюсь и ничего не понимаю.

В недрах судна мерно билось сердце. Работали машины. Скрипели цепи руля. На единственной короткой мачте безостановочно поплясывал синий язычок пламени.

— «Летучий Голландец»¹⁾, что ли Невероятно, но факт.

На большой средней башне белыми буквами было написано:

DR — 69

Обошел кругом, не заметив ни окон, ни дверей. Подошел к носовой башенке.

— Ага! — взялся за ручку двери и открыл. В большой каюте горело электричество. Круглый стол и мягкие кресла привинчены к полу. И опять-таки ни одной живой души. Из каюты шел вниз трап, крепко закрытый люком. Сколько ни бился Курантов, открыть не мог. Снова вышел на верхнюю палубу.

«Лучше в лодке сидеть, честное слово, — потрогал холодный лоб. — Куда он везет меня, этот призрачный крейсер без орудий и капитана?»

Ночь серела... По палубе бродил юноша, ничего не понимая, начиная сходить с ума. А пароход делал крутые повороты, стремился вперед, уносился в бок, возвращался, внезапно останавливался и опять кидался в тень, словно кто-то его преследовал, и он спасался затравленным волком от своих гончих.

Наклонившись над бортом, Курантов увидел в море странных рыб. Черные, длинные, они быстро неслись из глубины прямо на пароход, который, словно зрячий, избегал встречи.

— Рыбы играют с пароходом, или пароход с рыбами? — пробормотал Курантов. — Акул в Черном море не водится, а для дельфинов рыбы слишком велики.

Черные рыбы, оставляя позади светящийся след, следовали по пятам, уходили в глубь, выскальзывали на поверхность и накидывались прожорливой стаей на пароход, всегда удачно увертывавшийся от них.

Обходя еще раз кругом средней башни, Курантов вскрикнул. Вот она, дверь! Так плотно входила в пазы, что в темноте никогда не заметишь.

Обходя еще раз кругом средней башни, Курантов вскрикнул. Вот она, дверь! Так плотно входила в пазы, что в темноте никогда не заметишь.

¹⁾ «Летучий Голландец» — легендарный корабль, по поверию моряков носящийся с давних времен по морям и предвещающий гибель всем встречным судам...

Вошел... Оглянулся... Никого!.. Посреди — штурвальное колесо, по стенам — компас, странной формы аппараты, провода, приборы...

— Норд-норд-ост! — как заправский моряк процедил Курантов и схватился за колесо.

Оно повернулось, но, вопреки его желанию, в обратную сторону, смеясь над его усилиями удерживать ручки. Пошарил рукой по воздуху вокруг себя, желая убедиться, что и невидимого рулевого нет. Но колесо крутилось само собой.

Из башли вниз шли ступеньки крутой железной лестницы. Спустился по ним и бегом обошел немногочисленные внутренние машинные отделения. Когда-то в Ленинграде он был в гостях у балтфлотцев и теперь сразу узнал три минных аппарата. Машины работали строго отчетливо, без перебоев, без котлов и топок, без кочегаров, механиков и электротехников.

— Эй, вы, чтоб вас разорвало, куда же вы, наконец, попрятались?! — заорал Курантов, успокаивая себя звуками собственного голоса.

Никто не отвечал. Команды на судне не было. Волосы зашевелились на голове. Юноша кинулся, спотыкаясь, по железной лестнице наверх, пробежал мимо сумасшедшего штурвального колеса на верхнюю палубу, где свежий ветер приятно дунул в разгоряченное лицо. Взглянул за борт и опешил: все черные рыбы (их было пять), выстроившись в шеренгу, мчались на судно, неумолимые и точные. На низенькой мачте в это время язычок пламени потух. Машины перестали работать. Пять блестящих тел впились в борта парохода...

Курантов плохо помнил, что произошло лотом. Серый рассвет раскололся, разорванный огненными смерчами. К небу взметнулись водяные столбы. Гул тряхнул и землю и море до самых сокровенных глубин. Курантова швырнуло, и он мчался в огне, дыму, оглохший, задушенный, мертвый, вверх по прямой линии. Сознание медленно отсчитывало последние секунды жизни. Невероятно долго длился полет в межзвездных пространствах, полных грома, завываний, и так же мучительно долго падало вниз — в пустоту, тишину и вечность — истерзанное тело конторщика Курантова...

II

Баркас рыбака Седова, отнесенный штормом от побережья далеко в открытое море, подобрал плавающее, застрявшее между двумя

перекрещенными стропилами тело юноши, на вид лет двадцати четырех. Он еще дышал. Два дня шли рыбаки на веслах к берегу. Парус был разорван в клочья и стащен вместе с мачтой жадным ветром. Рыбак Седов, пожилой, с грубым просмоленным лицом, и три похожих на него помощники положили юношу на дно, гребя из последних сил, мучась от жажды и голода.

— Как звать? — спросил один раз хриплым басом Седов, заметив полуоткрытые глаза спасенного им человека, но тот ничего не ответил и снова надолго закрыл глаза.

В Гудаутах рыбаки сдали бортовым властям юношу, рассказав об обстоятельствах спасения.

На седьмой день болезни юноша пришел в себя и, осмотревшись, узнал, что лежит в больнице.

— Какое число? — спросил слабо сиделку.

— Пятнадцатое.

— Я выехал шестого... Ого!.. Отпуск кончился. Сестра, пусть напишут бюллетень... и пусть дадут знать на службу.

— А как ваша фамилия?

— Курантов.

III

Когда Курантов уезжал обратно в Москву, он зашел в комендатуру морского пограничного отряда и, настая на личном свидании с самим командиром отряда, рассказал про свою увеселительную прогулку, боясь, что не поверят, а потрогают лоб — не горяч ли? — и посоветуют

пить бром. Командир, попыхивая трубкой, внимательно выслушал, поддакивая, кое-что отмечая в записной книжке, мычал одобрительно и затем сказал, похлопав Курантова по плечу:

— Ну, вот что, молодой друг. Это тайна. Но, для того чтоб вы могли ее не выдавать, вы должны ее знать всю, получить объяснения. Дело просто, и мы знаем все. Вот секретное дело отправляется фельдъегерской связью в центр. Мы следили давно. Дело в том, что английская эскадра стоит в Босфоре. По капризу судьбы вы попали на их миноносец, управляемый по радио из базы в Константинополе. На такой миноносец команды не надо. Он сам посылает безостановочно в эфир волны определенной длины, и радио-матка с помощью точных приборов и карт знает астрономически точно, где он в данный момент находится, и управляет им по радио на расстоянии. Пять черных рыб-торпеды, тоже управляемые по радио с берега. Это были маневры. Вам повезло. Вы видели тайну британского милитаризма и остались живы.

— Конечно, — постучал трубкой по столу командир, сдвигая брови, — не болтать!..

— Слушаюсь, товарищ командир, — ответил, козырнув, Курантов и вышел из здания погранотряда.

Взглянул на небо. Снова ласковое и теплое, оно колыхалось медузой, тая в себе и вихри, и смерчи, и тайны разрушительного человеческого гения.

НА СТЫКЕ СТАРОГО И НОВОГО СВЕТА

Очерк Б. Рустам-Бека

Смелый проект. — При чем тут Диомед? — Забытые острова. — Экспедиция Мгж-Кракена. — «Большие» и «малые» диомеды. — «Самый лучший народ на свете». — Календарная вражда. — Пешком из Азии в Америку. — Тухлые дары. — Культ умерших. — Вскормленные кровью.

— Мы построим туннель под Беринговым проливом. Великая Сибирская железная дорога будет соединена с Америкой.

Так говорил мне в 1899 году американский инженер Шарль Пуло. Это был энергичный француз, превратившийся в типичного американца. Мы встретились на пароходе «Пенсильвания» на пути из Гамбурга в Нью-Йорк.

— Но ведь между западной оконечностью Аляски и восточным берегом Сибири около ста километров, — заметил я.

Пуло взглянул на меня с удивлением. — Вас путают эти сто километров? Успокойтесь, их там нет.

— То-есть, как это нет?

Пуло улыбнулся.

— Географически вы, конечно, правы, но нам, инженерам, занятым этой грандиозной задачей, приходится считаться с цифрой не больше чем сорок пять — сорок шесть километров.

— Каким же образом?

Мой собеседник вынул карманный атлас. — Вам знакомы Диомедовы острова, те, что в Адриатическом море против восточного берега Италии, а вот эти?

Он ткнул пальцем в середину Берингова пролива.

— Понимаю, вы предполагаете сооружение двух туннелей. Одного — от мыса принца Уэльского на Аляске до этих островов, а другого — от них к мысу Дежнева, не так ли?

— Вы угадали. При современных технических средствах Америки это вполне возможно.

В то время подобный проект казался мне полнейшей утопией...

Прошло двадцать лет.

В 1919 году я снова был в Нью-Йорке. На этот раз мне пришлось беседовать не с начинающим карьеру инженером, а с Вильямом Мак-Аду, строителем знамени-

того туннеля, соединяющего под широчайшей рекой Гудзон Нью-Йорк с Бруклином. Подобно каждому американскому миллионеру, Мак-Аду чует, где пахнет золотом. Сибирь его очень интересует. Он тоже занят вопросом о соединении американских железных дорог с Сибирской.

— Мы ближе друг от друга, чем думаем, — сказал он. — Сама природа указывает нам путь к объединению. Подводный туннель между Аляской и Сибирью должен быть построен.

Опять карта и снова пресловутые Диомедовы острова.

— Что это за острова? — спросил я.

— Не знаю. Когда настанет время, их, конечно, исследуют.

Я расстался с этим крупным инженером, убежденным, что туннель под Беринговым проливом — дело осуществимое, а о Диомедовых островах, которые должны сыграть такую важную роль в смычке Старого и Нового Света, не узнал ничего нового. Из двух этих островов западный принадлежит СССР, а восточный — Соединенным Штатам.

«Диомеды». Откуда это название? По греческому мифу, спутники Диомеда, царя Аргоса, были обращены в хищных птиц; это дало повод естествоиспытателю Линнею назвать альбатросов — диомедами, а отсюда и название островов, лежащих на северной границе распространения альбатросов.

Первое подробное описание Диомедовых островов только что появилось в американской печати. Их посетила ученая экспедиция американского Музея естественных наук^{*)}.

«После детального обследования Алеутских островов, — рассказывает начальник экспедиции Гарольд Мак-Кракен, — шхуна «Моррисей» бросила якорь у Диомедовых островов. Их всего два. Они лежат друг от друга на расстоянии около пяти километров. Большой Диомедов остров находится восточнее Малого. Оба представляют собой голые скалы. Это как бы часовые, поставленные самой природой на границе Старого и Нового Света. Площадь Большого острова — пять кв. километров; площадь Малого не достигает и двух кв. километров. Экспедиция высадилась сначала на Малый остров».

На берегу собралась толпа туземцев. По одежде они ничем не отличались от эскимосов, но по типу скорее походили на русских. Навстречу прибывшим выступил старик. Он объяснялся на эскимосском языке. Табак и угощение сделали его разговорчивым.

— Нас мало, всего сто двадцать пять душ, — говорил он, — но мы гораздо лучше диомедов Большого острова. Не ходите к ним. Их двести человек; это богатый и злой народ.

Несмотря на взаимную ненависть «больших» и «малых», диомеды обоих островов настолько схожи между собой и наружным

видом и обычаями, что совершенно излишне рассматривать их как два различных племени. Несомненно, они одного происхождения.

Экспедиции Мак-Кракена удалось установить, что в очень отдаленные времена лишь Большой остров был заселен пришельцами с азиатского материка. Затем начались новые вторжения. Диомеды храбро оборонялись. Своим оружием, сделанным из костей тюлений и других морских животных, они уступали хорошо вооруженному неприятелю и в борьбе с ним прибегали к различным военным хитростям. На Большом острове сохранились группы каменных фигур в рост человека. Этих-то истуканов нападающие принимали за воинов и, испугавшись многочисленности диомедов, отступали по льду на континент. Только немногие пришельцы остались на Малом острове. Отсюда и вражда между «большими» и «малыми» диомедами.

— Мы самый лучший народ на свете, — в свою очередь гордо заявляли членам экспедиции жители Большого острова.

О соседях они отзывались с презрением:

— Ни они к нам, ни мы к ним никогда не ходим.

Между тем, когда Берингов пролив сковывается льдом, от одного острова до другого, то-есть из Америки в Азию, можно пройти в один час.

Еще одно обстоятельство производит сильное впечатление на суверенных диомедов обоих островов и, несомненно, мешает их взаимному общению. Как раз между островами проходит международная граница календарных дат. Таким образом, когда на Большом острове вторник, на Малом — понедельник.

Откуда туземцы усвоили такое календарное счисление — неизвестно, но оно существует. Диомеды не могут взять в толк, каким образом, выйдя с Большого острова, можно дойти до Малого на один день раньше чем вышел. Подобное явление они приписывают наваждению злых духов.

Диомеды производят впечатление крепкой, здоровой расы. Между ними встречаются люди выше среднего роста. Попадаются и красивые лица, в особенности среди женщин.

Общественная жизнь у диомедов очень развита. При каждом удобном случае они собираются вместе, навешают друг друга и ведут бесконечные беседы. С детьми диомеды обращаются с особенной нежностью.

«За все время пребывания на островах мы ни разу не видели, чтобы взрослые прикрикивали на ребят или наказывали их за шалости», — рассказывает Мак-Кракен.

Однако диомеды очень примитивны и заслуженно слышат у прочих эскимосов варварами. Живут они в пещерах или в землянках. Домашняя утварь самая первобытная.

Поклоняются они всем явлениям природы. Луну они почитают высшим божеством и в виде жертвоприношения швыряют в нее тухлыми яйцами морских птиц.

Покойников диомеды хоронят вдали от жилищ, при чем труп выносят из хижины через особое отверстие в крыше, которое потом замуровывают. «Дух умершего не должен найти дорогу домой. Он может как помогать, так и вредить живым, так пусть лучше не возвращается». Религия диомедов основана на вере в могущество душ умерших.

Живут диомеды не зная никакой власти. У них нет ни королей, ни вождей, ни старейшин. Каждая семья существует обособленно. Никто не вмешивается в ее внутренние порядки. В общем диомеды живут согласно. Все споры разрешаются домашним порядком. Суда нет. Честность и взаимное доверие — отличительные черты характера этого маленького народа.

Все диомеды — мужчины и женщины — прекрасные охотники. Они бьют птицу из луков, тюлений и других морских животных — копьями и топорами. Рыболовством занимаются мало. Их лодки сделаны из тюленьей шкуры, очень легки и не выдерживают волны при свежей погоде.

Тюленьё мясо и сало — главная пища диомедов. Новорожденного вскармливают не материнским молоком, а теплой тюленьей кровью. В большом употреблении яйца чаек. Их едят преимущественно тухлыми. Наиболее лакомым блюдом считаются такие яйца, в которых уже сформировался цыпленок. Зимой любимым кушаньем служит взбитый со снегом тюлений жир.

Диомеды занимаются и огородничеством. Они сажают преимущественно картофель, который очень мелок и необыкновенно тверд, но по вкусу не отличается от нашего. На обоих островах в большом количестве растет дикий ревень. Постоянное употребление его в пищу благотворно влияет на состояние желудка и кишечника жителей. Этим главным образом и объясняется бодрость и здоровье населения на стыке Старого и Нового Света.

Диомедка с детьми.

^{*)} О работе этой экспедиции уже сообщалось на страницах «Всемирного Следопыта» в №12 за 1923 г.

ОХОТА НА ЛЬВОВ

Игра. (Рис. см. на 95-й стр.)

Перед началом игры запаситесь шестью шашками одного вида и шестью другого. (Например: большими кнопками и пуговицами, при чем кнопки надо ставить вниз шляпкой, вверх ножкой.) Одни шашки будут обозначать охотников, другие львов. Играют вдвоем. Шашки львы ставятся у входа в гроты на кружки 1, 2, 8, 4, 6 и в, а шашки-охотники занимают кружки А, В, В, Г, Д и Е. Кидают жребии, кому начинать.

Затем каждый играющий, по очереди, передвигает по своему усмотрению одну, две или три из своих шашек в любом направлении по черным линиям, соединяющим кружки, но не более, чем на три кружка в общем. Игрок имеет право передвинуть одну из своих шашек сразу на три кружка, или только на один кружок, передвинув вторую шашку сразу на два кружка, или же передвинуть каждую из трех шашек на один кружок. Шашка никогда не может перескакивать через другую.

Пример Игрок-лев может передвинуть шашку, стоящую на кружке 6, на три кружка и поставить ее на кружок сотметкой-+8, если он найдет это для себя выгодным. Он может также эту шашку поставить и на кружки +4, +5, если они не заняты и если путь не прегражден другой шашкой.

Цель игры — завладеть всеми шашками противника. Для того чтобы шашка считалась взятой, противник должен расставить свои шашки так, чтобы лишить ее возможности передвигаться. В этом случае она немедленно исключается из игры.

1-й пример. Предположим, что охотник стал на кружок 6, в то время как лев находится на кружке +7 Лев, лишенный возможности передвинуться, взят.

2-й пример. Охотник, поставленный на кружок Г, будет считаться взятым, если трем львам удастся его окружить, заняв кружки В, Е, Д.

3-й пример. Одна шашка может взять несколько шашек противника. Два льва (или охотника), стоящие на кружках 5 и 6, могут быть взяты охотником (или львом), который проберется на кружок +1.

Игрок, изловивший все шашки противника, выигрывает. Но проигрывающий игрок может расставить свои шашки так, что, не пропуская к себе противника, в своем распоряжении для ходов будет иметь некоторое число кружков. Например, один лев становится на кружок +8, а другой на кружок Д. Ясно, что охотники изловить этих львов не могут, так как один лев имеет возможность бесконечно ходить по восьми кружкам в различных направлениях. Чтобы игра не кончалась так неинтересно, с того момента, когда игрок изолирует себя, в игру вводится добавочное правило, а именно, если противник в затылок шашке изолировавшегося игрока поставит под ряд три своих шашки, то шашка первого игрока должна отойти.

Если у обоих игроков или у одного из них осталось не больше двух шашек, то игра считается окончившейся в ничью после шестидесяти безрезультатных ходов.

Примечание. Цифры с крестами на некоторых кружках поставлены только с целью облегчить объяснение игры.

Г. З.

ВСЕМИРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

КАКОЙ САМЫЙ ТРУДНЫЙ ЯЗЫК В МИРЕ?

Многие ученые находят, что это язык южно-американского племени индейцев лергунас, которым владеют только три американских филолога и больше никто из чужеземцев. Звуки и слова этого языка никак не могут быть схвачены и определены непривычным ухом. Но вся трудность этого языка — в громоздкости и длине слов. Различные самостоятельные слоги, даже отдельные слова нагромождаются и могут сливаться вместе, образуя новые, странные для нас звуки.

Характерна, например, фраза: «Пальцы и зубы служат одной и той же цели». Она передается на языке лергунас только одним чрезвычайно громоздким словом и звучит приблизительно так: «боксемен-вакля-мокемиук-аугантля-иа».

Все это — лишь одно слово и произносится лергунасами слитно и сразу, с нагромождением и слиянием слогов.

Ю.

Ответственный редактор Н. М. Яковлев.

Заведующий редакцией Вл. А. Попов.

ПОДПИСЬ ВАМ
НА
1929
ГОД

«ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ» — журнал всех и
своим трудом и знаниями участвует в
строительстве социалистического общества

на ежемесячный литературно-художествен., научно-популярн. и общественно-политический

ЖУРНАЛ
для всехП. И год
издания

Ответственный редактор Вл. БАХМЕТЬЕВ

«ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ»
дает своим приложениямПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ **Н. Н. ЛЯШКО**
В ШЕСТИ КНИГАХ
АЛЬБОМ ПОРТРЕТОВ **СОВРЕМЕННЫХ ПРОЛЕ-**
ТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На год — 3 руб., на 1/2 года — 1 руб. 60 коп., на 3 мес. — 85 коп. и на 1 мес. — 30 коп.
Цена на год с приложениями — 5 руб. 50 коп. (подписка с приложен. приним. только на год).

Цена номера в отдельной продаже — 30 коп.

ПОДПИСКУ и ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ: Москва, 9, ул. Герцена, 12/а.

Отд. Период. Изданий Гос. Акц. Изд. О-ва «ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА»

ВСЕРОССИЙСКОЕ АКЦ. О-ВО СОВЕТСКОЕ КИНО

СОВКИНО

МОСКВА, ТВЕРСКАЯ МАЛ. ТИЕЗДНИКОВСКИЙ Д. 7

Выпуск — АПРЕЛЬ

Сценарий и постановка
С. ЭЙЗЕНШТЕЙНА
и
Г. АЛЕКСАНДРОВА

Главный оператор ЭДУАРД ТИССЭ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

ЧТО ЧИТАТЬ МОЛОДЕЖИ?

Амундсен и Эльсворт. «Перелет через Ледовитый океан». Авторизов. перев. с рукописи М. А. и М. М. Дьяконовых. С 56 рис. и картинками. Стр. 202. Ц. 2 р. 50 к., в/п. 2 р. 80 к.

Амундсен Р. «По воздуху до 88° северной широты». Авторизов. перев. с рукописи М. М. и М. А. Дьяконовых. С рис. и картинками. Стр. 275. Ц. 3 р.

Бывалов Е. (Зюйд-Вест). «Двадцать четыре и один». Повесть. Ц. 1 р. 25 к., в/п. 1 р. 40 к.

Бывалов Е. (Зюйд-Вест). «Полундра». Повесть. Ц. 75 к., в/п. 90 к.

Гейе А. «Трампы». Стр. 187. Ц. 60 к., в/п. 75 к.
Рассказы из жизни американских бродяг, т. н. трайпов, рисуют опасности, которым они подвергаются во время блужданий по огромным пространствам Америки, жестокие нравы этой страны и т. п.

Доминик Ганс. «Джон Воркман». Стр. 276. Ц. 1 р. 25 к., в/п. 1 р. 45 к.

Досов М. «Поворот». Рассказы. Стр. 96. Ц. 35 к., в/п. 45 к.

Жураковский Н. «Крылья огня». Роман из жизни китайской молодежи. Стр. 334. Ц. 1 р. 25 к., в/п. 1 р. 50 к.

Кин С. «На Лене». Повесть. Со многими иллюстрациями. Стр. 96. Ц. 45 к., в/п. 55 к.

Крашевский Н. «По ступенькам». Повесть. Стр. 192. Ц. в/п 85 к.

Мстиславский С. «Союз тяжелой кавалерии». Роман. Стр. 367. Ц. 2 р., в коленк. пер. 2 р. 60 к.

Смирнов Н. Г. «Государство солнца». (Записки Леонида Полосьева). Историческая повесть в трех частях. Стр. 382. Ц. 1 р. 10 к., в/п. 1 р. 25 к.

Тан-Богораз В. «Союз молодых». Роман из северной жизни. Стр. 368. Ц. 1 р. 75 к., в/п. 1 р. 90 к.

Колосов Марк. «Жизнь начинается». (Комсомольские рассказы). Предисл. А. В. Луначарского. Изд. 4-е, перераб. и дополн. Стр. 160. Ц. 65 к.

Ленсинг М. «Огонь и колеса». Очерки из истории культуры. Со многими иллюстр. Стр. 252. Ц. 90 к., в/п. 1 р. 05 к.

Никифоров Г. «33 оказии». Повесть. Стр. 464. Ц. 1 р. 70 к.

Пиккенс Вильям. «Наследник рабов». Стр. 118. Ц. 40 к. Автобиографический роман одного из активнейших деятелей революционного негритянского движения.

Рингов Бор. «Беломорские рассказы». Стр. 152. Ц. 45 к., в/п. 55 к.

Скрыпник Л. «Золотое детство». Рассказы. Стр. 112. Ц. 70 к.

Стивенсон Р. «Берег Фалеа». Записки торговца. Стр. 80. Ц. 20 к., в/п. 30 к.

Товер Рольф. «Среди горных братьев Мексики». Стр. 134. Ц. 45 к., в/п. 55 к.

Черный костер. (Негры о неграх). Рассказы. Под ред. Е. Г. Лундберг. Стр. 152. Ц. 55 к., в/п. 65 к.

Борисгофер С. «Корабль натуралистов». Стр. 286. Ц. 1 р. 60 к., в коленк. пер. 2 р. 35 к.

Рыбаков Н. «Вокруг старого света». (Поход советского военного корабля). С 18 рис. и картой. Стр. 204. Ц. 1 р. 30 к.

Григ Ник. «На Туркисбе». Стр. 237. Ц. 1 р.

Шуан Евг. «Б Аргентину на паруснике «Товарищ». Стр. 267. Ц. 1 р. 40 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА РСФСР

По почте эти книги высылаются по получении стоимости
МОСКВА, 64, ГОСИЗДАТ «КНИГА ПОЧТОЙ»